

Лора Ванхорн

Выход зубной феи

Лора Ванхорн

Выход зубной феи

«Издательские решения»

Ванхорн Л.

Выход зубной феи / Л. Ванхорн — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836187-6

Гимназия готовится к 1 сентября. Новый директор уже пообещал прополоть ряды заслуженных педагогов, а на свободное место рассадить дисциплину в глухих блузках. Для учительницы Насти это совсем некстати, да и ее коллегам тоже есть, что терять. Красавец-химик, загадочный миллионер-русофил и девочка с колокольчиком дают бывшему авиатору «черную метку». Война с зарвавшимся новичком обрывается на самом интересном месте. Но летчик не знает, что за кустом боярышника уже заждались ошибки его молодости...

ISBN 978-5-44-836187-6

© Ванхорн Л.
© Издательские решения

Выход зубной феи

Лора Ванхорн

© Лора Ванхорн, 2017

ISBN 978-5-4483-6187-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нет, опаздывать сегодня было решительно нельзя! Это все равно, что по совету школьного военрука при ядерном взрыве бежать в эпицентр и спасти раненых – и то менее опасно для жизни и гораздо радужнее в плане дальнейших перспектив. Именно в этот погожий сентябрьский день новое начальство приступало к решительному исполнению своих обязанностей.

Первейшим долгом директор элитной языковой школы Леонид Серафимович Поленко полагал установление окончательной и бесповоротной победы дисциплины над всем живущим. Утомленный перегрузками мозг отставного летчика-испытателя не мог смириться с хаосом творческого процесса преподавания. В сладких снах полковнику являлись вежливые тихие дети, глухие блузки учителей и всеобщая пунктуальность. Леонид Серафимович был человек дела и сны претворял в реальность незамедлительно. Начало новой жизни было намечено на первое сентября и приурочено к торжественной линейке. И на нее всем участникам следовало явиться вовремя.

Отдохнувшие за лето, набравшиеся сил, но поиздержавшиеся в средствах педагоги узнали о постигших их переменах только накануне. Назначение Поленко было внезапным, что, впрочем, никак не умаляло его эффекта: умы и чувства подчиненных волновались. На педсовете коллектив с недоумением взирал на компактного пеговолосого мужчину, волею судьбы и районного отдела образования ставшего их рулевым. Только врожденная интеллигентность и временные финансовые трудности присутствующих уберегли полковника-энтузиаста от немедленного столкновения с народным мнением.

Мятежный дух, однако, уже витал среди сеятелей разумного, доброго и вечного. Несколько десятков настороженных глаз следили, как Поленко, потешно выставив вперед нижнюю челюсть, сокращается на тему прежней учительской вольницы. Ее он клятвенно обещал вырезать прямо со вчера.

– Камикадзе, – наконец, вынесла общий вердикт Динара Ефимовна, преподаватель творчески переработанного английского языка. – Даю ему месяц.

Учительница не учла, что директор не привык пасовать перед трудностями, а в случае их отсутствия он даже создавал эти трудности сам и бросал на их преодоление личный состав. Путь в светлое будущее школы по замыслу свеженазначенного руководителя определенно лежал через тернии, призванные естественным образом отобрать сильнейших и отсеять недостойных. На собрании он внимательно рассматривал свою маленькую гвардию воинов просвещения вместе и по одному, пытаясь прикинуть, кого первого должна разглядеть тяжелая длань нового порядка. В его неповоротливый, как асфальтовый каток, мозг потихоньку закрадывалось подозрение о неминуемом саботаже.

«Каленым железом! – заключил про себя полковник. – И не таких перевоспитывали».

Будучи поклонником кнута, а не пряника, Леонид Серафимович решил воздействовать самым доступным, легким, но чувствительным методом – лишать довольствия. В общем, вниманию присутствующих был предложен сборник наказаний для уклонистов, не желающих разделять радости светлого завтра, в виде лишения премий, надбавок, удобного графика и библиотечных дней. На робкий вопрос о поощрениях директор долго мерил мутным рыбьим взглядом внезапно побледневшего учителя истории.

– В мое время, молодой человек, люди за идею работали. Вам что, отдельное спасибо нужно? Может, вас еще и под руку на работу водить?

Нежная психика историка, и без того изможденная бесконечными размышлениями о судьбах Родины и тщете всего сущего, приготовилась к немедленной капитуляции. Тонкие пергаментные веки задрожали, цвет лица уже плавно перешел в зеленый спектр, когда подошла неожиданная помощь.

– Хотелось бы знать конкретные цифры, господин Поленко. Во сколько нынче Отечество оценивает «спасибо» выдающемуся учителю?

Как подсолнухи за солнцем головы собравшихся повернулись к источнику смелости и звука. Аудитория с восхищением взидала на оратора. Им оказался учитель химии Назар Никонович Берин, дьявольски красивый мужчина с ассирийской бородкой, раздутым самолюбием и мамой, не только флагом правящей партии по области, но и бессменным школьным спонсором. То ли это, то ли страсть к преподаванию и химии во всех ее проявлениях делали Назара неуязвимым для любых рокировок и перемен в педсоставе. Поленко, как человек новый, об этих весомых достоинствах Берина пока не подозревал. Со скоростью и грацией чугунного паровоза он летел навстречу неминуемому столкновению с харизмой демона от науки.

Облизнув узким змеиным язычком тонкие губы, Леонид Серафимович уставился на красавца-учителя. Лучшего кандидата для публичной казни было не сыскать, неприязнь с первого взгляда была безоговорочной и полностью взаимной.

– Слишком много у вас прав, я смотрю! – завелся директор. – Только про обязанности забываете. Образование – это вам не торговля на базаре, здесь нужно самоотдаваться! – в ответ на пламенный призыв Динара Ефимовна заиграла густыми бровями и с внезапным интересом взглянула на полковника, чем смутила начальство окончательно. Забившись за стоящий у доски стол и глотнув водички, Леонид Серафимович чуть тише продолжил:

– Самоотдаваться, а не считать, на сколько вас оспасибил! Это вы скажите спасибо, что не расстреляли за все ваши выверты, как в семнадцатом! Да, товарищ, вы со своей химией на паперти будете стоять, так что потрудитесь сидеть и слушать, а не спорить со старшими. Руководство, оно для того здесь и поставлено, что лучше знает. Вот так. Еще вопросы есть?

Вопросы были, но обсудить их слаженный и выдавший виды коллектив собирался после окончания благородного собрания. А пока Назар задумчиво поглаживал блестящие кольца черной как смоль бородки и чему-то плотоядно улыбался. Молоденькие преподавательницы английского тесно сгруппировались вокруг своей патронессы, аксакала латинской и менее изящной словесности Динары Ефимовны, и перешептывались, то и дело поглядывая на задние парты. Там, в отдалении от простого люда, заседала тяжелая артиллерия педсостава, до сих пор хранившая полное, какое-то вязко-зловещее молчание.

Троицу сильных школьного мира местные остроловы прозвали «Могучей Кучкой», и это вполне отражало суть их командных выступлений: уж на кого они положили, тот в темпе вальса должен был бежать без оглядки. Хотя и там ему не сразу удавалось отмыться от острых Кучкиных посылов. Ядром группы были математик Амалия Петровна Винтер и ее заклятая подруга Вишневская, преподаватель физики. То, перед чем пасовали детская комната милиции, воскресная школа и авторитет родителей, Амалия искореняла раз и навсегда одним взглядом стальных глаз. Ужас парализовал вчерашних хулиганов, выветривая из их сознания все лишнее, а освободившееся место занимали твердые знания по математике. Госпожа Вишневская, женщина гренадерского роста и трубного гласа, внушала уважение своими габаритами: глядя на медальон, лежащий на ее мощной груди параллельно полу, связываться не хотелось.

Пряную ноту в трио мегер вносила биологиня. Главной мечтой покровительницы фотосинтеза и марайских тараканов было замужество, что в условиях школьного дефицита рыцарей никак не становилось явью. На амбразуру великой цели бросались все подручные сред-

ства, от небывалой яркости макияжа до спиритических сеансов с чучелом совы и скелетом под инвентарным номером 237 в вверенном Марине Тухтидзе кабинете. Суженый все медлил, характер Марины портился, и последствия страшной лавиной обрушивались на мужчин, не догадавшихся по достоинству оценить девицу.

Заручись Поленко поддержкой «Могучий Кучки», его воцарение на должность прошло бы гладко и без сучка, а с директорским креслом разлучила бы только смерть. Теперь же, после краткого знакомства в коридоре перед началом педсовета, Леонид Серафимович стал обладателем трех страшных и злопамятных врагов. Вишневская не оценила армейской шутки о вреде физики для слабого бабьего ума, Марине полковник посоветовал смыть раскраску павшей женщины и зашить то, что на его взгляд было разошедшимся швом, а на взгляд Марины – соблазнительным и рискованным разрезом на юбке. Для Амалии Петровны директор тоже приберег пару ценных советов, но, встретившись с ней глазами, отчего-то поперхнулся и передумал, в тайне решив все же отправить Винтер на пенсию при первой okazji. Воздержание ему не зачлось: Амалия Петровна не доверяла людям, не знакомым с геометрией хотя бы до равенства треугольников включительно, а Поленко произвел на нее впечатление человека без способностей к математике. Административная звезда бывшего летчика обречена была угаснуть, даже толком не взойдя.

В общем, собрание заканчивалось, а низы не проявляли никакой солидарности с верхами. Сидящие на первом ряду учительницы русского все еще по инерции записывали распоряжения Леонида Серафимовича, в тылах же царили полный разброд и шатание: коллеги строили друг другу многозначительные лица, передавали записочки и вопреки всем стараниям директора не боялись. Даже историк слегка оклемался и привычно задумался о своей будущей роли в неизбежном установлении монархии, что придало его лицу благородное, но вполне отсутствующее выражение.

Лишь один человек в классной комнате внимал Поленко со всей страстью преданного вассала и почитателя. Им оказался учитель труда Тихон Гаврилович, школьный отщепенец и фанат начальства. Истинная профессия Тихона, как и его дошкольная жизнь, были покрыты мраком неизвестности. Сам он представлял себя специалистом во всех мыслимых областях, от запуска синхрофазотрона до зашептывания больного зуба в лунную ночь. Между тем, ни одна поделка, изготовленная в логове трудовика – подсобке на первом этаже под лестницей – не напоминала ничего, что могло бы пригодиться для жизни на Земле даже с учетом стремительно растущих потребностей современного человека. Младшеклассники, который месяц под его чутким руководством выпиливающие некое подобие юлы на палочке, говорили изумленным родителям, что это рубанок. Или табуретка. В зависимости от стадии процесса. Далекие от ручного труда папы и мамы недоуменно пожимали плечами и ставили комок стружки с железками на балкон.

Сам же Тихон не испытывал сомнений в уникальности своего таланта, а светлое будущее собирался организовать лично сам еще до прихода Поленко. Препятствием стало отсутствие широких полномочий и нелюбовь к доморощенному гению со стороны коллектива. Люди не жаловали Тихона, хоть и оборачивались ему в след на улицах города.

Еще в бытность трудовиком-новобранцем Тихон Гаврилович увлекся изобретением пышных названий, вполне отражающих суть и непосильность для простого смертного выполняемой им работы. «Генеральный эксперт по мануальному древопрокату» звучало гордо, но тяжело поддавалось чеканке на заранее заготовленной чугунной доске, предварительно и за немалые деньги вырезанной автогеном из доставшейся по наследству советской ванной. После долгих колебаний кустарь-индиго остановился на «квазитехническом менеджере», выбил красивые, но непонятные слова на металле и водрузил панно у входа в подсобку. С того достопамятного дня к Тихону прочно прилепилось прозвище «наш Квазимодыш», запущен-

ное в жизнь меткой Динарой Ефимовной, и содержанием точно отражающее внешние формы главного школьного трудоголика.

Шли годы, а Тихон Гаврилович ни на шаг не приближался к логическому венцу своей неустанной творческой и общественной деятельности, а именно к креслу заместителя директора школы по воспитательной работе. Тихон недоумевал. Винол завистников и тайных врагов реформации, пока одна бабуля из Районо, сочувствовавшая юродивым, не намекнула ему ласково, что дело, собственно, в нем. Смягчив, конечно, откровение сетованием на несовершенство мира и недостаток у Тихона специального образования. Трудовику явилась истина, осенившая его предшественников-профессиональных революционеров из кухарок – столетием ранее: учиться, учиться и учиться. С тех пор он забрасывал дирекцию и Районо просьбами отправить его на курсы топ-менеджеров в Канаду, или хотя бы оплатить двухгодичный МВА в столице. Тихон Гаврилович оставался человеком основательным, как он говорил «особого качества», и вариантов попроще не искал.

У вот теперь, сидя на первом педсовете с Поленко, учитель труда интуитивно чувствовал, что настало его время. Затянувшаяся на два года починка розетки в кабинете истории не прошла даром для его возмущенного разума. «Кто был ничем, тот станет всем!!!» – бешено колотилось в мозгу, по телу бегали задорные импульсы, а взгляд горел неугасимой любовью к руководителю, мудрому и, очевидно, справедливому. Слушая, как Леонид Серафимович обещает разобраться с тунеядцами и разгильдяями, воздавая каждому по способностям и педнагрузке, Тихон внутренне соглашался с каждым словом своего нового гуру. Он даже двигал кадыком в такт особо экспрессивных пассажей полковника и с неодобрением поглядывал на коллег, без особого пиетета внимающих вестнику нового порядка.

«Нет... О нет... Нельзя, чтоб он думал, что я с ними!» – беспокоился трудовик. – «А я ведь сам, я особый! Надо дать понять уважаемому, нет, высокоуважаемому! Зачем же принимать святого человека... Да, высокоуважаемому Леониду Серафимовичу, что я с ним! Плечом к плечу!»

– Товарищи! – наконец, решился Тихон Гаврилович. – Прошу минутку внимания!

Класс оживленно заерзал, предвкушая очередное юмористическое соло звезды прикладных ремесел. Даже физрук Юрьич оторвался от созерцания бескрайнего бюста физика Вишневецкой, бывшего его Альфой и Омегой весь прошлый год, и перенастроил свою единственную извилину на прием Тихоновского потока сознания. Поленко на полуслове оборвал свою речь о вреде опозданий и всем корпусом развернулся к нахалу, перехватившему трибуну. Тихон Гаврилович набирал обороты:

– Высокоуважаемый Леонид Серафимович, разрешите с вами согласиться во всем! И также на будущее, отдел труда поддерживает все ваши начинания и аплодирует стоя. Вернее, стоя передает вам низкий поклон за все уже сказанное и еще не сделанное!

Глаза трудовика сияли. Худощавое тельце, заправленное в черные брючки, рубашку и галстук на манер людей Икс вкупе со склоненной вбок головкой придавали Тихону полное сходство с золотушным грачом. Леонид Серафимович мучительно пытался сопоставить сладость речей нежданного союзника с общей ущербностью его облика, но за отсутствием иных, более солидных вариантов, ободряющим жестом попросил продолжать.

– Вы совершенно верно заметили, товарищ директор! Вот тут у меня небольшой список недоработок и недоделок, страниц на сорок, которые вы можете заметить в дальнейшем. Чтобы, значит, ничего не осталось сокрытым от вашего правильного мнения, высокоуважаемый Леонид Серафимович! Я от лица преданной вам части коллектива, то есть от меня, выражаю восхищение вашими такими золотыми словами. Готов служить не покладая! А теперь позвольте фото на память, для углубления, так сказать, единства!

И пока ошарашенный директор хватал ртом воздух в поисках достойного ответа, Тихон Гаврилович рысцой протрусил до его стола, встал чуть позади, положил лапку на крепкое пол-

ковничье плечо и навел камеру телефона. Снимок вышел загляденье: Поленко в виде выброшенного на берег окуня, со снулыми глазами и губами широкой буквой «О», приятно оттененный лучезарной бело-керамической улыбкой своего нового соратника. Позже, выложенная в сеть, эпохальная фотография стала иллюстрацией к научной статье о внешних проявлениях органических поражений головного мозга и имела успех у специалистов.

Экспромт трудовых резервов не только до предела повысил градус настроения педагогов, но и окончательно вывел бывшего летчика из равновесия. Налившись опасно-гипертонической краснотой, Леонид Серафимович отрывисто проорал:

– Вы! Что! Себе! Позволяете! Завтра! Чтобы все, как один! Вовремя и без фокусов! Все свободны, и в это свободное время советую задуматься о своем поведении! А ты, как там, Тихон... Гаврилович, ты останься. У меня к тебе поручение.

Присутствующие хором встали, раздался лязг и скрежет отодвигаемых железных стульев эпохи «сталинский ампир», бессменных с самых пятидесятых по причине собственной антикварности. Второго приглашения на выход аудитории не требовалось – луч директорского разума основательно рассеял туманность учебного плана на текущий год и в клочки разордал мрак неизвестности о премиях ко дню учителя. И ко всем будущим дням тоже.

Повинуясь извечному вселенскому закону единства малых, по которому гуппи и прочая океанская мелюзга трепещет в волнах монолитной массой, а птицы встают в клин для покорения жаркого юга, стайка молоденьких англичанок синхронно обогнула директора по самой широкой дуге. Авангардом непокорных выступал Назар Никонович, глядевший прямо в глаза зарвавшемуся полкану своим нехорошим иезуитским взглядом. С полуулыбкой обронив что-то между «прощайте» и «то будет вам предвестием злых невзгод», химик удалился в коридор, увлекая за собой менее стойких историка и географичку, напрасно надеявшуюся дослужить до пенсии без потрясений: пенсия свалилась, как снег на голову, уже три года назад, а потрясения все не кончались. Замыкала исход неверных «Могучая Кучка». Три гарпии, выстроившись смертоносной тевтонской «свиньей», уверенно шли к выходу из этого бедлама, окутывая остающихся густым ядовитым облаком крайнего презрения. Наконец, класс опустел, и слегка ошарашенный теплым приемом директор приступил к вербовке потенциального соратника.

– Вот что, Тихон. Ход твоих мыслей в целом, конечно, правильный... хотя есть и перегибы, мда. Что ж, докажи свои благие намерения. В этом вашем осинном гнезде черт ногу сломит... – проговорил Поленко, задумчиво подтягивая нижнюю губу поближе к носу. – Вот и задание тебе, так, на проверку, напиши... Напиши на всех характеристики, кто да что, чем дышит, слабости, умения какие есть, хотя я таких не заметил. Да, а вот эти писульки свои убери, не дорос еще до замечаний опытному руководству. – Тут Леонид Серафимович спохватился, что при завоевании плацдарма каждый боец на счету, и чуть смягчился. – Ты, Тиша, имеешь шансы, ну, по крайней мере, побольше остальных. За работу.

За всю свою хиленькую карьеру трудовик никогда прежде не удостоивался столь полного доверия высокого начальства, и, как следствие, столь ответственного задания. Причем задание впервые было сформулировано не в форме посылы к такой-то матери. Счастье и желание оправдать, превзойти и вознестись переполняли избранного пролетария, он млел и неустанно кивал головой. Даваясь теснящимися в мозгу словами благодарности, Тихон Гаврилович заверил Поленко, что с первыми петухами поименный справочник-донос будет готов, и, хотя у директора были более мирные планы на раннее утро, он одобритительно кивнул и сказал:

– Вот это правильно. Жду тебя завтра в своем кабинете.

***

Картины памятного собрания то и дело всплывали в Настином воображении. Воображение вообще было сильной стороной Анастасии Поповой, учительницы русского и литературы, а подстегнутое угрозами нового директора оно распустилось окончательно. К тому же увольняться именно сейчас, когда в однокомнатной квартире молодого педагога поселились дальние

родственники, они же погорельцы, было неразумно. Жить на этой микроплощади можно было только посменно, а значит, на работу походить стоило.

«Только бы не опоздать. Опаздывать-то сегодня ну вообще никак, что за невезение... Хотя ведь и зубы – это вам не жук начихал! Надо искать, ничего не поделаешь...» – думала Настя, лихорадочно шаря в пыльной темноте подъезда. – «Все-таки пока не все в порядке у нас с жилищно-коммунальным хозяйством. Свет в холле две недели не горит. И с медициной неспокойно. Чертов мост! И надо же было дорогой мамуле посеять свою челюсть именно здесь и сейчас!»

Предметом поиска и неугасимой надежды был верхний мост из четырех белоснежных передних зубов, составлявших лучшую часть внешности Нины Васильевны, Настиной свекрови. Женщины примитивной, но энергичной и злопамятной. Не было в подлунном мире такой вещи или дела, в которых свекровь не разбиралась или не давала бы советов. Причем в системе координат Нины Васильевны существовали только два мнения: свое и неправильное. Такая жесткая позиция старушки плюс совместное проживание на весьма ограниченной территории делали Настино участие в успешном обретении свекровиных запчастей обязательным.

Зубы, изготовленные по образу и подобию лучших голливудских улыбок, имели только один недостаток: слабое сцепление с организмом носителя. Нина Васильевна теряла их на торжественных собраниях, в тарелках с супом, в море и поездах дальнего следования, а вот теперь они выпали в подъезде типового панельного дома в спальном районе. Весело проскакав по небольшой лестнице, зубы унеслись во мрак парадного, не оставив следов. Попова-старшая тщетно вытягивала густо накрашенные алой помадой губы и ахала – чудо протезирования на позывные не являлось. Зато Настя, младшая в семейной иерархии, сразу же и без рассуждений была брошена на поиски. И вот теперь, вместо того, чтобы по замыслу Поленко уже мчаться навстречу новой жизни, Анастасия Попова перебирала тлен и мусор по углам подъезда.

«С одной стороны он, конечно, директор. Но мамуля-то тоже человек. Сложный человек в смысле. Немилосердно выпускать ее без зубов на люди, нам они ничего плохого не сделали. В этом плане мне даже везет, что темно. Куда же они завалились?» – Настя повернулась в сторону, где предположительно стояла Нина Васильевна, и решительно сказала:

– Так мы можем искать до морковкиного заговенья, а я опаздываю. Стойте здесь и охраняйте, чтоб граждане вашу ценность не раздавили ненароком. Я за фонариком, туда и обратно.

– Пока ты там ходишь, зубки мои и унесут! Для покражи самое выгодное место, темно и бабуля беззащитная одна. – обиженно забубнила свекровь.

Настя с сомнением покачала головой. В крошечной тьме холла встреча с непознанным в виде старухи с двумя торчащими клыками и для невпечатлительного человека могла закончиться трагически.

– Не преувеличивайте, Нина Васильевна. Шесть утра, для зубных воров уже поздно, хотя если кого из них заметите, можете задержать.

Настя на ощупь поднялась по лестнице к площадке лифтов. В это время двери грузового медленно разъехались, проливая спасительный свет на место происшествия. Настя отметила, что не ошиблась насчет воздействия нового имиджа свекрови на еще не совсем проснувшихся соседей. Молодой человек с собакой при первом взгляде в сумеречные глубины подъезда непроизвольно дернулся и потряс головой, как бы отрицая факт нашествия кровопийц в старушечьем обличье. Заметив Настасью, он с облегчением вздохнул:

– А, это вы тут, девушка! Я уж подумал того, слишком мы вчера вздрогнули. Видения какие-то. Случилось чего?

– Да, это мы, – мрачно отозвалась Настя. – Мы вот тоже вздрогнули, только не совсем удачно. Зубы потеряли, так что вы поаккуратней, не наступите. Может, ваша собачка их най-

дет? Она у вас овчарка, они и преступников ловят, даже если они по частям по всему городу раскиданы. По запаху определяют, наверное.

Молодой человек замялся: желание побороться за высокое звание овчарки для его не совсем породистого пса блекло перед мизерностью цели. Искать бабкины обломки, тем более по запаху, было неинтересно. Нет, не такой судьбы он хотел для своего четвероногого друга.

– Вот что, барышня. Это порода для охраны, а не для охоты на протезы. Давайте-ка мы вас лучше посторожим. Снаружи естественно. А вы пока все и найдете.

Настя покрутила губами и вздохнула:

– Ну да, помогли так помогли. Хотя бы не топчите тогда, а то придется вашему песику охранять старушку до стоматолога и обратно, если раздавите ее главную ценность. Давайте я подержу лифт открытым, а вы аккуратно пройдете, пока светло, – девушка сняла с себя Нину Васильевну, уцепившуюся при виде собаки в невесткин локоть, и вставила разгоряченную поисками свекровь в угол у лестницы.

– Мамуля, я быстро, – сурово бросила Настя и скрылась в коробке лифта.

Тихонько отперев входную дверь, молодая женщина на цыпочках вошла в свою квартиру. В годы застоя кооперативная однушка с лоджией и большой кухней представлялась если не Эверестом комфорта, то по крайней мере позволяла молодой семье ковать личное счастье вдали от бесценного опыта родителей. В нынешние времена такой метраж именовался «студией», а журнал «Cosmopolitan» упрямо советовал, что современной горожанке нужно места на гардеробную больше, чем вся эта конура. Настя внутренне соглашалась и с рынком недвижимости, и с прессой, но внешне приходилось только мечтать, что муж Насти, уроженец далекой провинции, все же заработает на расширение площади.

Правда, пока супруг обеспечивал только расширение состава новорожденной семьи: сначала проведать кровиночку подтянулась мама, да так и осталась на полгода. А третьего дня появились настолько многожурдные племянники, что Настя и ее муж до сих пор ломали голову, кому же из них те приходятся родней. Сами приезжие путались в показаниях, на расспросы реагировали вяло и избегали прямых ответов, дружно совпадая в одном – погорели они, последняя рубашка ушла на оплату билетов на поезд. Жертвы пожара вели себя тихо и, проявив истинно деревенскую смекалку, обосновались на кухне. Несчастные божились, что это ненадолго, и обещали в самом скором времени уехать в поисках правды в Москву. Погорельцам разрешено было остаться до того момента, пока их не зацепит рука помощи государства, а то, что в капиталистической реальности на это могут уйти миллионы световых лет, Настя не подумала. Как истинный представитель русской интеллигенции она чувствовала себя в ответе за сирых и убогих, что и положило начало коммуне в квартире №86 в доме на окраине города.

Теперь первым делом Настя заглянула в спальню, где богатырским сном почивал ее супруг Костик, подающий надежды аспирант физико-математического университета. В конце запутанного научного пути маячили премии, мировое признание и прочие атрибуты сладкой жизни, так что нынешнюю тесноту и скромность бюджета супруги рассматривали как временные неудобства и не унывали. Работа над диссертацией кипела в основном по ночам – это была смена хозяина дома пользоваться благами городского быта в виде стола, санузла и холодильника.

Днем будущий светила науки вкалывал на факультете и занимался в меру своих скромных способностей приготовлением пищи. Неординарный взгляд физика-ядерщика на допустимые гастрономические комбинации делали его весьма экстравагантным поваром: задолго до изнеженных западных кулинаров он изобрел макробиотическое питание и вывел теорию «суперфуда», которая позволила молодой семье без чувства ущербности питаться одной пшеницей как самым полезным в мире продуктом.

Сейчас герой коллайдеров и поварешек спал, безмятежно расположив косую сажень плеч на семейном ложе системы «диван раскладной». Настя подоткнула ему одеяло и вышла в коридор, по дороге отметив какое-то несоответствие в интерьере. Чего-то определенно не хватало, но времени поразмыслить о недостатке не было. Прихватив туристический фонарик, прекрасная половина семьи Поповых устремила назад к темному подъезду, в недрах которого скрывались летучие челюсти.

В парадном уже кипела привычная утренняя жизнь: возвращались с прогулки собачники, то и дело пробегали нахохленные труженики, а в углу у почтовых ящиков солировала свекровь, завывая на манер азиатского акына о своей великой потере. Терпеливый русский народ, привычный и к более ощутимым ударам судьбы, безучастно проносился мимо, следя, однако, чтобы лишние зубы не налипли к подошвам. Мрачные чертоги подъезда наполнялись робкими лучами сентябрьского солнца, тьма отступала, но на аскетически голом полу холла никаких посторонних предметов не наблюдалось.

– Надо обследовать под лестницей, – решила Настя. – Потому как если зубы были в проходе, то мы их уже потеряли, слишком оживленная трасса. Мамуля, нате мою сумку и отойдите, не загораживаете свет. Линейка в школе через час, а мы еще копаемся.

Анастасия нырнула под пролет и сразу же поняла, что она, возможно, первый человек со времен сдачи дома, чья нога ступила в этот заповедник плесени и хилых городских паучков. За годы забвения бесконечные слои пыли и грязи спрессовались в единый монолит отборного перегноя и там вполне удалось бы выращивать трюфели не хуже французских.

«Интересно, и за что это мы собираем по 80 рублей с носа на уборку дома? Это же рассадник малярии и энцефалитных клещей!» – в Насте просыпалась дремавшая доселе гражданская сознательность. – «А в нашем доме живут маленькие дети, лишённые здоровья и самообладания старушки, и вот кстати молодые педагоги, надежда общества. Устроили здесь серпентарий!»

Настины ноги мягко пружинили по новооткрытой экосистеме, и вдруг луч фонарика выхватил что-то блестящее в самой глубине под верхней ступенькой. Она наклонилась и не смогла сдержать вздох облегчения – миссия состоялась, чудо отечественной стоматологии тихо лежало прямо перед ее глазами. Подлестничный микромир уже свыкся с прилетом к ним неопознанного объекта: бабкины зубы, наполовину скрытые в древней пыли, были надежно оплетены паутинкой и наверняка служили самым шикарным домом для целой колонии простейших. Настя двумя пальцами подхватила протез, брезгливо им потрясла и заулыбалась. Во-первых, побывавшие в экстремальном путешествии зубки предстояло носить не ей, а, во-вторых, шансы попасть на линейку значительно возрастали.

Продолжая по инерции шарить лучом фонарика по полу, окрыленная успехом учительница заметила, что блестит еще кое-что. Прямо в углу у стенки угадывался стальной шов подвального люка.

– Дожили! – пробурчала Настя, слегка заведенная утренней эпопеей. – Граждане не знают о возможных путях отхода на случай атомной войны и прочих мировых катаклизмов! Правильно дед говорил: развалили страну. А ведь там, наверное, роскошное бомбоубежище с неприкосновенным запасом тушенки и сухариков для всех жильцов нашей панели. Тех, кто постоянно прописан, конечно. Ладно, потом разберемся. Мамуля, вы сами до автобуса дойдете? Я-то сейчас бегом побегу.

Все это время Нина Васильевна с сомнением рассматривала блудные зубы, обретенные ценой столь невероятных усилий. Свекровь уже твердо вошла в драматичный образ Короля Лира после потери всех благ земных, и так просто расставаться с привилегиями вселенской страдальницы не желала. Теперь, когда возжеланный ряд передних и вторых боковых был у нее в руках, злоупотреблять невесткиным вниманием становилось затруднительно. Нина Васильевна судорожно перебирала в уме все возможные хвори, которые могли внезапно подко-

силь ее слабое здоровье на фоне пережитого стресса. Идеальный недуг был обязан обеспечить не только глубокое смятение близких и родных подальше, но и выдоить положенные дивиденды. В качестве приятного приложения к перекошенным от забот лицам домочадцев свекровь охотно бы приняла отдельную квартиру и безутешных детей, день и ночь бдящих у постели умирающей, готовых на любой подвиг, чтобы только скрасить последние тридцать—сорок лет жизни старушки. При этом потомкам полагалось не надоедать маменьке своим присутствием, много зарабатывать и каждый день развлекать ее по-новому, то в Монте-Карло, то в Баден-Баден, ибо по телевизору сказали, что это хорошо.

Всякое по мелочи, типа непрерывной трансляции по ТВ программы «Пусть говорят» и засахаренных лимонов, которые Нина Васильевна обожала, само собой подразумевалось.

По-прежнему стоя в темном подъезде и теребя в сухих ручках центральной элемент своей челюсти, мысленно бабка уже унеслась через столетия, к неизбежному финалу всех редких болезней: к пышным, торжественным похоронам, с военным оркестром, вереницами одетых в глухое черное людей и всенародной скорбью. Скорбь по великому замыслу должна была длиться долго, очень долго, передаваться из поколения в поколение, хотя нет, лучше, если все участники траурной процессии вдруг разом падут, сраженные непомерным горем...

Настя с тревогой наблюдала за калейдоскопом выражений, сменявшихся на свекровином лице со скоростью вспышки: сетка морщин то складывалась в клубок вселенских печалей, то растягивалась до блаженной улыбки обьевшего тортом ребенка.

«Да, сдает старушка, – подумала Попова-младшая. – Вот к чему приводит смычка города и деревни в таком возрасте! А этим коновалам из поликлиники все равно, говорят, отправьте ее на природу. Там поля стоят не паханы, мол, без такого бульдозера. Бездушные люди!»

– Мамуля, – Настя настойчиво лезла в бабкины мечты, – может, вы на почту завтра сходите? Я совсем опаздываю, нет времени вас провожать.

Свекровь только собралась завести привычную песню о том, насколько ничтожно молодежь ценит ее великий материнский подвиг, беспримерный в истории человечества, как двери лифта в очередном раз разъехались и выпустили на волю самого главного человека в доме – слесаря-сантехника Геню.

– А-а! Анастасия свет Борисовна, наше вам здрасте, – пропел Геня, сбегая по лестнице. – Наслышан о вашем бодром утре. Ну как, обрели вы счастье свое?

Настя радостно закивала головой:

– Да, нашли, хотя пришлось попотеть. Зато опаздываю теперь, сами же знаете, сколько от нас выбираться. А мне еще маму до почты надо проводить.

Геня тут же по обыкновению протянул руку помощи – молодые и симпатичные женщины всегда вызвали в нем всплеск благородных чувств.

– Так давайте вашу зубную фею мне, – предложил мужчина, – я как раз в ту сторону. Главное, чтобы по дороге из нее лишние детали не сыпались.

Настя с благодарностью взглянула на сантехника, ободряющее похлопала свекровь по плечу и вылетела из подъезда, не дав мамуле опомниться и завести свои саратовские страдания.

– Адью, Настасья!

Геня махнул вслед посылавшей ему воздушный поцелуй девушке и подмигнул ее свекрови:

– Милая дама, цепляйтесь покрепче. Я буду вашим спутником на маршруте дом—почта. Но обратно вам придется вести, а то и нести меня самой! Намечается выгодная замена прокладок в продуктовом напротив.

Нина Васильевна, опешившая от перемены мест провожатых, покорно дала себя прицепить к Гениному локтю. Парочка засеменила по тротуару, охая старушечьим голосом и зами-

рая около всех барышень с юбками выше колена. Яркая точка Настиного плаща еще некоторое время маячила впереди, но вскоре совершенно слилась с багрянцем осеннего пейзажа.

Учительница нервничала и торопилась не зря. Время в пути из их микрорайона, с размахом отстроенного на окраинах большого города, и до школы никакими разумными величинами не ограничивалось. Главный архитектор жилого массива был истинный виртуоз шлакобетонной панели и мастер урбанизации самых пасторальных ландшафтов. Имея в своем распоряжении весьма ограниченный набор-конструктор советского строителя, из домов, прудов и садов он сумел создать город будущего, как его представляли в конце семидесятых. Типовые двенадцатиэтажки унылым веером расходились от центров районной культурной жизни – магазинов «Диета» и «Вино-водочный». В четырех темных тухлых водоемах водилась неведомая рыба, а последние дома упирались прямо в самый настоящий лес, на чем городская цивилизация и заканчивалась. Вернее, цивилизация там в принципе шла, как пишут в объявлениях о продаже посредственных дач, «по границе». То есть за пределами микрорайона уже давно наслаждались суши и запросто ходили в 3Д-кино, тогда как его обитатели застряли на макаронах по-флотски и жизненных коллизиях «Просто Марии».

Когда-то эти дома должны были решить жилищную проблему сибирских нефтяников и старателей Заполярья, но по странному капризу судьбы место застройки совпало с отметкой «101-ый километр», и круг претендентов на социалистический рай расширился. Год за годом он заселялся суровыми ребятами с Севера и авантюристами всех мастей, и в конце концов по духу стал напоминать Дикий Запад Америки, где состав участников во времена первых переселенцев был примерно тот же. А по устойчивости жителей к невзгодам бытия район опережал не только Новый Свет, но большую часть матушки-России.

Единственная проблема, которую не смогли решить ни архитектор-планировщик, ни постоянные жалобы жителей, заключалась в том, как из этого района выбраться на Большую Землю, то есть в городской центр. Гипотетически в распоряжении местных жителей имелись автобусы и трамвай, но до них надо было не только дойти, а еще и суметь как-то ввинтиться в нутро всегда забитого транспорта, не выпадая из него на следующей остановке. Для пущего колорита автобусы ходили редко, а трамвай как-то вообще стеснялся показываться.

Настя успела родиться, вырасти, закончить школу и сама же начать в школе преподавать, а ситуация с наземным сообщением в районе не менялась. На последней скорости несясь к остановке, девушка лихорадочно прикидывала, а есть ли шансы успеть на линейку пусть не вовремя, то хотя бы с не критическим опозданием. Так, чтобы незаметно слиться с коллективом и вместе, единым фронтом, выступить против сомнительной личности нового директора.

Народу на остановке скопилось тьма, что с одной стороны вселяло надежду на скорое появление автобуса, а с другой, самые выгодные позиции для его штурма были заняты. Первую линию уже оккупировали весьма агрессивно настроенные граждане, закаленные регулярными боями и дергающиеся теперь в фальстартах. Наконец, на радость Насте появился желтый Икарус гармошкой, замерев дверью прямо напротив девушке. Полоса везения продолжалась: каким-то чудом ее зацепил активный дедуля с тележкой на колесиках, который, распахивая конкурентов локтями, вслед за собой просто внес Настю в подошедший транспорт. Притулившись у окошка, она отряхнула плащ и погрузилась в воспоминания о втором отделении педсовета, проведенном учителями после дебюта Леонида Серафимовича. Но уже без звезды первого акта.

И задуматься над этим стоило всем без исключения.

***

О минорном финале педсовета коллектив школы, сплошь состоящий из людей неглупых и опытных, догадывался. Правда, по мнению педагогов, его тяжкие последствия должны были упасть на голову бывшего летчика, и, если не раздавить, то точно контузить. После первой же

ходки Поленко в народ, свидетели этого события собрались на импровизированную летучку в коридоре.

Марина Тухтидзе, жестоко обманутая в своих матримониальных ожиданиях непригодным ко флирту и пламенной страсти полковником, шипела на ухо Динаре Ефимовне:

– Заморыш. Да он ростом с сидящую собаку, и глаза как у дохлой рыбы. Нет, Динарочка Ефимовна, мы с ним не сработаемся. Совершенно бесполезен в прикладном плане. Ну вот инфузорию же от юбки-плиссе не отличит... Может, он вообще взяточник или даже хуже того – женатый! Вам как показалось?

Заслуженный преподаватель английского могла бы ручаться – ей не показалось. Женатым полковник мог быть только на какой-нибудь упертой греховоднице в качестве посланного проклятия. Чтобы, значит, она еще при жизни смогла искупить не только за себя, но и на сто поколений вперед.

– Есть вещи и пострашнее, чем окольцованный... хм... друг сердца, душа моя, – возразила нюхавшая порошу Динара, биологичка же с сомнением поджала губы. – Уж поверьте моему опыту. Меня охватывают смутные сомнения относительно наших премий, да-да. Больно ретивые запросы у этого авиатора недоделанного, как вы считаете, Амалия Петровна?

Математик василиском взглянула на дверь, за которой Поленко давал первую аудиенцию блаженному Тихону. Видимо, какие-то тлетворные флюиды в кабинет все же проникли: стало слышно, как полковник перестал бубнить и закашлялся.

– Считают у меня на уроках, господа, а я уверена, – отрезала Винтер. – Мне все равно, какие запросы у этого пигмея, но удовлетворять их советую как можно дальше. От меня. От школы. И от города в целом. Мадам Вишневская, а вас как всегда общие дела не касаются? Вы все надеетесь на торжество мирного атома, не так ли?

Женщина-физик нехотя оторвалась от созерцания нескольких из своих подбородков в карманном зеркальце, отстранила незаметно подобравшегося под сень ее богатого тела физрук и ехидно зашевелила усиками.

– Что вы, Амалия Петровна, меня таки наши дела очень волнуют, – нарочито гнусавым голосом отозвалась Вишневская. – Вот буквально не буду ночью спать, так переживаю за вашу печень. Это видимо она вам и нам заодно травит всю красивую жизнь. Вы бы проверились, что ли. Глядишь, чужие торжества вас бы не задевали, – физик с удовольствием поймала ненавидящий взгляд Амалии и резко вильнула в сторону. Метод назывался «контрастный душ» и был чудно эффективен, чтоб пронять некоторых до истерики. – По поводу вашего Леонида Агасферовича – но пасаран, как говорится. Назар Никонович, это у нас какой по счету лишний директор?

Берин сложил на подоконник висевшего на нем историка – последние полчаса впечатлительный знаток мировых культур благодарил Назара за свое чудесное спасение на педсовете. Элегантным движением холеных рук химик поправил галстук, пригладил бородку, чем вызвал жар и трепет среди молоденьких англичанок, и улыбнулся:

– Дорогие дамы, вы все сегодня – само очарование. Давайте не будем ссориться, тем более по такому ничтожному поводу. А по существу, мне надо посоветоваться с мамой. Интересно, как к нам занесло старичка, здесь не богадельня. Хотя... Не в моих правилах обижать пожилых, но, боюсь, Серафимыч сейчас набирается плохого от нашего пролетария, – Берин кивнул на дверь кабинета, где Поленко все еще раздавал сверхсекретные поручения Тихону. – Но в целом... Тот, кто направлял его судьбы корабль, уж поднял парус. И совсем не в ту сторону. Скоро мы увидим труп нашего врага, если терпеливо подождем. Я чувствую. У меня все, – Назар Никонович уверенно посмотрел на собравшихся.

– Истину глаголишь, – вдруг шалыпинским басом заговорил до этого никем не замеченный, как и подобает серому кардиналу, школьный завхоз Финоген Семенович.

Дальний потомок отважных финансистов, сосланных в эти места еще при царизме за безудержную смекалку и неумение делиться, Финоген был прирожденным стяжателем. Период первоначального накопления капитала он счастливо завершил еще дошкольником, нажившись на продажах мальчишкам сушеных кузнечиков под видом отворота от ремня родителей. Девочкам облагороженные гуашью прыгуны продавались в качестве лекарства от выпадения волос у кукол.

Дела шли бойко, но уже тогда маленький Феня знал, что нагнать не стоит. Он сам вывел основную аксиому успешного дела: клиент должен быть доволен, и обезжиривать его следует нежно. Чудо-кузнечики не были полной профанацией: родительские сердца смягчались при виде юного натуралиста, стоящего в углу с хрупким насекомым, и рука на сорванца не поднималась. Девочки тоже не знали разочарований в покупке: кудри у советских кукол и так сидели намертво. Зато цветастым кузнечиком можно было здорово поугаждать бабушку, сказав, что вот так выглядит колорадский жук, пожравший всю картошку. Два в одном, как сказали бы теперь, и за смешную цену: осторожный Феня менял свой экзотический товар на посильный взнос продуктами или ненужными вещами. Среди последних попадались весьма интересные экземпляры, ибо ненужными детскому разумению представлялись иногда вещи вполне ценные.

К получению аттестата зрелости Финоген подошел уже вполне состоятельным молодым человеком, что во многом и обусловило блестящие оценки в документе об окончании школы. Образование помогло ему вывести вторую аксиому, важную для избранной стези: большие капиталы нуждаются в малой огласке. Достойный юноша не лез на рожон и не играл в хозяина жизни. Третья и главная аксиома, достойная того, чтобы ее увековечили в золоте и включили в программу обязательного обучения, досталась Финогену Семеновичу по наследству: надо делиться!

Полвека пронеслись как один миг. Менялись власти, распадались империи и возникали содружества, в унылую уездную жизнь вторгались орды мигрантов и технический прогресс, но аксиомы работали. Финоген без конца покупал, менял, расселял, прикармливал и дожил до того дня, когда уже все было и ничего больше не требовалось. И не хотелось. Дом – полная чаша, надежно размещены капиталы и удачно пристроены дети, выплывшие в большой международный бизнес. Финоген Семенович хандрил – желать оставалось нечего.

И тут случилось чудо! Сотворили его три абсолютно замухрышечных Свидетеля Иеговы, даже не уполномоченные их шарлатанским начальством на подобный подвиг. Расписанный под хохлому «Майбах» Финогена на минутку остановился у центрального городского парка – босс затребовал «Эскимо», которое продавалось в единственном уцелевшем в вихре перестройки киоске. Привычные сумерки сознания Свидетелей помешали им трезво оценить обстановку, они выстроились клином и храбро полетели на не спасенного пока Финогена. То ли воистину Бог хранит сумасшедших, то ли будущий завхоз почувствовал руку провидения, только Свидетели выжили, а богатейший человек города стал обладателем брошюры под интригующим названием «Царствие Небесное».

Дальше обложки не привыкший тратить время на глупости Финоген читать не стал, но и этого было достаточно. Он уже точно знал, чего ему не достает в жизни: райских кущ, молочных рек или хотя бы уверенности в том, что они для Финогена Семеновича зарезервированы. Первое собеседование с батюшкой показало, однако, что не все так просто. Отец Андрей озвучил знаменитую притчу о богатстве и игольном ушке, испытующе глянул на олигарха и осторожно заметил, что выплата десятины за все пропущенные годы могла бы значительно ускорить дело. Но Финоген пока не торопился в лучший, но все де незнакомый мир. Как человек практичный и экономный, он взял неделю на раздумье и засел за Святое Писание в поисках менее болезненных вариантов. Озарение настигло его сразу же: Финоген Семенович понял, что он – верный кандидат по статье «блаженные нищие духом». Он давно уже ничего не хотел и ничему не был рад, осталось только разбавить это дополнительной простой

и смирением. Так Финоген Семенович стал завхозом школы с углубленным изучением языков: скромно, но вполне сочетаемо с привычной деятельностью. Те же люди, те же задачи.

Украсив собой слаженный коллектив работников образования, самородок от финансов уже в самом скором времени стал истинным хозяином школы. До назначения Поленко без согласования с завхозом не решалось ни одно дело, будь то приобретение макета звездного неба в натуральную величину для кабинета физики или создание очередного фонда для покрытия подобных экстренных нужд.

Сейчас впервые за пятилетку Финоген Семенович почувствовал некоторое оживление, его седые мохнатые брови уже начали свое движение к переносице, спина распрямилась, чего не случалось со времен лихих девяностых, а все помыслы переместились в сферу уничтожения врага. Созревала четвертая аксиома дельца наивысшего порядка, которую на другом конце Земного шара в то же самое время в муках рождал президент свободных штатов: в целях профилактики нападай первым. Не важно, если противник еще и сам не знает, что он против; превентивная атака гарантировано избавит его от таких вредных мыслей, и то если он, конечно, уцелеет. Финоген Семенович, завхоз и миллионер, понял, что надо действовать.

Для начала необходимо было выяснить, каким ураганом бравого авиатора занесло в лучшую в городе гимназию. Разыгрался он явно неслучайно, ибо на ниве образования Поленко был зеленый салага, без признаков опыта по части сложной комбинаторики школьной жизни. Вычислить розу ветров и найти, откуда дуло, завхоз поклялся самолично. Сейчас покровителям Поленко, где бы они не находились, по всему суждено было обываться, так часто и так нелитературно их поминали.

На том и порешили: красавец-химик обещал пораспрашивать державную матушку, Финоген Семенович – потрясти частный капитал, а «Могучая Кучка» и Ко возлагали большие надежды на Районо, ведущий центр слухов и сплетен по области. Леонида Серафимовича обложили со всех сторон, штат его врагов рос в геометрической прогрессии. И это еще до того, как он столкнулся с самой коварной и непредсказуемой силой возглавленного им рассадника знаний – родительским комитетом и непосредственно дорогими детишками.

До этого момента ему оставались считанные часы.

***

Прохладное сентябрьское утро было солнечным и ясным, что по мнению большинства учеников элитной школы как нельзя меньше подходило для достойного начала учебного года. Под град с дождем, завывающий ветер и ненастье в духе последних дней Апокалипсиса не так обидно было бы дни напролет отсиживать в классах и усваивать строение пестиков с законами Ньютона, столь необходимыми каждому в послешкольной жизни. Тот факт, что этот день был первым из девяти бесконечных месяцев дисциплины, зубрежки, экзаменов и контрольных, поднимал настроение только самым отпетым отличникам и первоклассникам, еще не понимавшим своим наивным малышковым умом, что десять лет – это очень долго.

Примерно так рассуждал шестиклассник Тарас Динин, критическим взглядом обводя шеренги торжественной линейки: родителей, прикрывавшихся своими нарядными чадами, колонны независимых старшекласников и учителей, настроенных весьма серьезно. Такое количество цветов мальчик видел только на похоронах папиного коллеги, а то был очень грустный момент. У Тараса слезы навернулись на глаза: вот и его сейчас замуруют в этом склепе науки почти на целый год, и даже не оставят ободряющей надписи, какая украшала глыбу каррарского мрамора для дяди Коляна: «Спи спокойно, а мы разберемся». От сокрушительной жалости к себе, невинно обреченному на тяготы и лишения среднего образования, у мальчика задрожали коленки и гулко застучало в груди. Тарас решил, что достаточно пострадал за прогресс и под прикрытием своего огромного букета попытался просочиться в задние ряды зрителей, откуда до выхода со школьного двора было рукой подать.

Неожиданно на его плечо легла тяжелая длань Динина-старшего, известного в городе коммерсанта, бывшего борца греко-римского стиля и нынешнего авторитета для многих молодых спортсменов и прочих крепких ребят. Интерпол тщетно искал Павла Динина где-то между Кап-Ферра, Лондоном и Кокосовыми островами, он же мирно жил в уездном городе, куда не дотягивались вредоносные щупальца международных душителей личной инициативы.

– Что, сынок, соскакиваешь? Мама расстроится, – Павлик потрепал сына по голове. – Сам подумай, полсрока уже отмотал, недолго осталось. Я в твои годы по поездкам... Ну, короче, не вышло у меня счастливого детства. А тебе повезло, братан, школа, знания всякие. Большим человеком станешь, как Финоген Семеныч.

Тарас с недоверием прикинул, стоит ли стремиться к таким высоким идеалам. Завхоз, на его взгляд, был мрачный старикашка с лицом, как будто навсегда окисленным острым несварением желудка. Наконец, он шмыгнул носом и вздохнул:

– Хорошо, пап. Ты только учительницу не вспугни. Анастасия Борисовна добрая. Она конкурсы всякие обещает, театр там. Пусть мама меня после уроков заберет, а?

– Лады, – Павел подставил сыну раскрытую для ответного хлопка ладонь. Получив звонкий удар, он одобрительно улыбнулся и предложил: – На выходных на рыбалку тебя возьму. Иди, Тарас, мне еще надо здесь по делу пошуршать кое с кем.

Папа строгим взглядом придал сыну нужное ускорение, и мальчик, ловко орудуя локтями и колючим букетом, стал пробираться к только что подошедшей классной руководительнице. Анастасия Борисовна, запыхавшаяся и со сдвинутой набекрень прической, с самым рассеянным видом отвечала на вопросы родителей. Дети, не проявлявшие после веселого и вольного лета особого желания погрызть гранит науки, стояли чуть поодаль, не теряя надежды на нечто экстраординарное, что могло бы навсегда положить конец обязательному образованию. На всякий случай – может, папа еще смотрит, чем занят наследник – Тарас подошел к учительнице и запричитал:

– Ой, Анастасия Борисовна, как хорошо, что вы пришли! А я все лето по школе скучал, по урокам всяким... – начищающий дипломат замялся, воскрешая в памяти хотя бы названия тех предметов, с которыми он вел неравный бой весь прошлый год. Как назло, перед внутренним взором Тараса всплывали только тарзанки, клубника с сахаром, мохнатые гусеницы, зато-чённые в банках, исключительно в целях наблюдения за их реинкарнацией в бабочек, купание в морях и реках – в общем, все те великолепные летние развлечения, которые не только не давали скучать, но и были много милее его сердцу, чем школьные будни. Замечтавшись, Тарас ослабил бдительность и заступил за белую линию с надписью 6 «Б». Проворная Анастасия Борисовна тут же поймала мальчика за руку и быстро подтянула ему в пару отличницу Сашу Багрову, существо бледное, хрупкое и чрезмерно укомплектованное знаниями. Назад дороги не было.

– Молодец, Динин! Теперь у тебя скучать времени не будет. В этом году нас ждет много нового и интересного: физика, химия... – оптимизм Тараса таял на глазах, пока учительница перечисляла, чем время его жизни будут убивать в этом учебном году. Он вздохнул, потряс уже много повидавшим букетом. Раз уж так вышло, мальчик решил использовать момент

и войти в Сашино доверие, исключительно ввиду будущей взаимопомощи на контрольных.

Раздался треск, тонкий свист и микрофон заревел бодрым голосом Динары Ефимовны:

– Внимание, дети, родители, – на подмостках англичанка чувствовала себя распрекрасно. Видно было, что другие солисты ей в принципе не нужны, поэтому объявление о выходе следующего оратора прозвучало квели. Выпустив из легких почти весь воздух, Динара махнула рукой куда-то в сторону и затараторила:

– Выступает новый директор нашей дорогой во всех смыслах школы, Леонид как ни странно Серафимович! Он тоже приготовил вам, да и нам, разные сюрпризы, о которых я-то

уже знаю, а вот вы еще спали этой ночью спокойно... Но это жизнь, как говорится, сейчас исправит!

Большинство присутствующих верило в стародавнюю русскую примету, надежную, как Братская ГЭС – держаться подальше от инициатив, призванных немедленно улучшить жизнь у всех без исключения. Одолеваемые дурными предчувствиями школьники, их родные и учителя сомкнулись тесными рядами, готовясь внимать заявленному реформатору. Директор окуном проскользнул на середину трибуны, оттеснив Динару от микрофона, и тусклым взглядом обвел площадку перед собой. Они стояли теперь один на один: общественность и перекошенный от лишней энергии Поленко. Взволнованные массы колыхались и бурлили, переливаясь разноцветным целлофаном букетов, гремя портфелями и смягчая даже черствые сердца полянками пышных бантов. У директора эта картина вызывала тошноту. Он понял, что устраивать дивный новый мир надо здесь и сейчас.

– Товарищи! – загудел Леонид Серафимович похожим на прокисшее молоко голосом. – Я вас поздравляю! Прежде всего с тем, что наконец-то школа в опытных руках человека, который знает. Все знает. И что делать с ней тоже. Переделывать, вернее. Больше у нас не будет всякой ереси, типа беготни в коридорах, педагогов-диссидентов и самоуправления в виде родительских комитетов! Дисциплина – это наше все, и я бы не советовал об этом забывать, как делают некоторые. Не будем показывать пальцем, мы и так прекрасно знаем, что это всякие химики да историки.. – Поленко в упор взглянул на Назара Никоновича, стоявшего от него по левую руку. Вероятно, бывший летчик-испытатель не вполне отрешился от старого мира и по-прежнему желал острых ощущений. Мрачно-загадочное выражение лица Берина ему подобные ощущения гарантировало вполне. Директор отвел глаза, но речь продолжил:

– Да, и историки... Изжившие себя в век ЕГЭ псевдоспециалисты! Родителям предлагаю не стесняться, а подходить ко мне для беседы по одному. Для подробного анализа будущего их детей в моей школе. Ученики! Быстро и без шума шагаем парами к раздевалке, там теперь каждый день мы станем проверять чистоту рук и учебников. Да, и смену! Помните, девиз нашей школы с этого дня – скромность, послушание и это... Тишина! Кстати, об этом. Амалия Петровна, а где Тихон Гаврилович?

Ледяная королева интегралов не интересовалась жизнью насекомых, а по сему пролить свет на местонахождение трудовика не могла. Не удостоив директора ответом, математичка одним слегка заметным кивком головы направила ставшие четкими колонны старшеклассников ко входу в школу. Вслед за ними с видом каторжан на владимирском тракте потянулись ровесники Тараса Динина: слишком опытные и много видевшие, чтобы верить в сказочные истории о прелестях учения, но еще очень далекие от заветного финиша и будущей нежной дружбы в «Одноклассниках». Замыкали шествие щедро украшенные цветами и родительскими напутствиями первоклашки, с умильными личиками семенящие за своими учителями.

В суматохе воцарения начальника-самодура все как-то позабыли про розовощекую девочку в белых кружевных лентах. Она восседала на плечах рослого, но слегка уставшего выпускника и битых полчаса истошно звенела в звонок. Теперь, когда площадка перед школой стремительно пустела, одиннадцатиклассник решил, что пришло время привыкать девочке к суровой правде жизни. Без особого пиетета свалив бантичное безумие прямо перед оставшимся в одиночестве Поленко, он пробурчал что-то невнятное о новых порядках и резво проскакал ко входу в здание. Юноша скрылся в школьном подъезде, и директор с девочкой, плотно втиснутой в белое с горохом платье, остались во дворе одни.

Это был первый близкий контакт Леонида Серафимовича с детьми: свои у летчика завести побоялись, чужие же, надежно запуганные его прототипом в русском сказочном фольклоре – дедом Бабайкой – были осторожны и к Поленко не приближались. Пухлое создание с колокольчиком, так подло обманутое в своих ожиданиях быть гвоздем праздничной программы, уже кривило губки и шмыгало носом, и, когда не разбиравшийся в девичьих горестях

директор загробным голосом прошипел: – Где твоя мама? – первоклассница разразилась рыданиями. Как все избалованные дети, она плакала профессионально, с подвываниями и всхлипами, не забывая при этом поглядывать на аудиторию. Поскольку директор, в отличие от прежних зрителей, стоял столбом и не проявлял действенных намерений успокоить чадо, девочка пошла на крайние меры: упала прямо под ноги бывшему летчику и принялась истошно верещать.

Обескураженный Леонид Серафимович вначале беспомощно топтался вокруг орущего ребенка, затем попытался поднять ее с асфальта и придать вертикальное положение. Схватка была неравной: дочь явно любящих родителей не только имела весовое преимущество перед сухощавым директором, но на ее стороне имелся опыт баталий с бабушкой за велосипед и домик для кукол. Мертвой хваткой она вцепилась в чахлый кустик с клумбы под школьными окнами, точными ударами туфелькой отбрыкиваясь от доведенного до ручки дяденьки и вопя ультразвуком. Не известно, как долго бы еще смог продержаться как Поленко, так и его рассудок, но вдруг прямо за его спиной материализовалась блондинка в умопомрачительном платье.

– Марточка! Крошка! Что случилось, сокровище мое?? – заламывая руки, запричитала прекрасная незнакомка. – Этот дядя тебя обидел, да?

Поленко отпрыгнул от девочки на безопасное расстояние, откашлялся и коршуном накинулся на красавицу:

– Вашего ребенка обидишь, как же! Уймите ее наконец. И что вы вообще себе тут позволяете, женщина! У нас режимный объект, дисциплина, а она орет благим матом. Если не умеете воспитывать, не беритесь. Отдайте в школу, только не в мою, – тут директор критически посмотрел на слегка поухиший пончик в бантиках, – а в какую-нибудь попроще, для буйных. И на диету посадите, раскормили девицу... Она у вас на свиноматку похожа, зарежете в голодный год. – Поленко уже вполне оправился от потрясения и привычно хамил окружающим.

Если бы новоиспеченный директор хоть немного разбирался бы в тонкостях школьного порядка и устройства, он бы доподлинно знал, что случайным детям колокольчики первого сентября не раздают. Для этого у первоклассника должны быть необходимые качества в виде, например, известных родителей или лоббистов в Районе. Девочка Марта нужными достоинствами обладала безусловно: ее папа, заммэра города, помимо дорогого ребенка был обременен трубопрокатным заводом, сетью супермаркетов и другими милыми его сердцу игрушками для взрослых.

Михаил Владимирович, разбогатец, отправил постаревшую первую жену на богомолье и как-то за делами позабыл вернуть обратно. Детей и имущества, о которых знала бы супруга, у них не было, поэтому после блиц-развода заммэра зажил холостяком спокойно.

Приятельствовал с Финогеном Семеновичем, которого считал человеком исключительной бодрости духа и коммерческой фантазии, потихоньку перекраивал администрацию города и губернии в целом, интересовался зарубежной географией в части хранения непосильно нажитого – в общем, был занят. И вот однажды, исключительно ради обмена опытом с такими же попечителями Отечества, он побывал в далекой Панаме. Эта поездка переменила все и была почище Финогеновского озарения после встречи со Свидетелями: заммэра влюбился. Избранницей его каменного прежде сердца стала восхитительная красавица-журналист Вероника, прозябавшая на вилле российского пресс-агентства уже восьмой год и отчаивавшаяся составить свое женское счастье с коренными обитателями этого ромового узилища. Михаил Владимирович поразил ее слегка побитое тропикозом воображение, и они зажили душа в душу. Обзаведясь второй, на этот раз, любимой женой и долгожданным потомством в весьма солидном возрасте, заммэра души не чаял в своих девочках и баловал их безмерно.

И вот в эту самую минуту Леонид Серафимович, директор и камикадзе, с упоением поливал грязью красавицу-жену и к тому же мать единственной наследницы этого золотого века. Вероника, женщина спокойная, но любившая справедливость, базарной лексикой не вла-

дела, несмотря на прекрасные университеты, преподанные ей на знаменитой вилле мастерами этого жанра. Дослушав оглушительную тираду Поленко до конца, она подождала, пока пылкий мужчина скроется в глубине двора. Затем, вырвав беснующееся чадо из шипов боярышника, Вероника просто позвонила любимому мужу.

– Кроличек, здесь какой-то сумасшедший – он называет себя Директором – бродит по Марточкиной школе. Я видела, как он толкнул нашу девочку прямо в грязь. Да, сам взял и толкнул, представляешь, дорогой! А потом, кажется, даже хотел ее ударить. И на меня накричал... Сейчас? А я не вижу, ушел куда-то. Конечно, узнаю! У него лицо потомственного олигофрена и взгляд такой, м-м-м, дикий.

Трубка ответила мягким мужниным баритоном и лицо Вероники просветлело. Она положила телефон в сумочку, подхватила дочку и направилась к подъезду школы. На другом конце города в своем кабинете Михаил Владимирович массировал виски, чтобы хоть немного прийти в себя и не перебить всех идиотов города сразу, без опознания.

Определенно, колокол Марточки сегодня звонил по Поленко.

***

Напрасно Леонид Серафимович, тряхнув стариной, истребителем носился по гулким коридорам довоенного школьного здания. Тихона Гавриловича нигде не было. Дома у него никто не отвечал, мобильным подозрительный трудовик ни с кем не делился, а подсобка стояла необитаемой с мая месяца. Кроме похожей на корабельные канаты паутины и засохшего блинчика краски там не нашлось ничего, напоминающего о хозяине. Поленко вслух пообещал неверному вассалу самое волнительное будущее и отправился к Финогену Семеновичу для принудительной передачи всех непосильных финансовых дел в его мудрое директорское ведение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.